

Екатерина Яковлева

О котах, об ангелах и о людях

И повезло же мне с тобой!

– Нет, ну вы видели таких дурней! Старый идиот какой-то! Человеческим языком же было сказано, пожилые люди первыми вымирают от вируса, ограничить передвижение в общественных местах!

Негодовал кот, нервно дергая ушами. Мотя трусил по Садовой в сторону Соборной площади. Был совсем ранний час, солнце только встало.

Хоть зимы, можно сказать, и не было совсем, осень как-то плавно перетекла в весну, но март, как всегда, оказался непредсказуем. Ночью была минусовая температура, и кот то и дело огибал замерзшие лужи.

– Посмотрите на героя гражданской войны, а! Если враги не сломили, голод не одолел, коммунальную обдираловку выдержал, то что такое для него вирус? Так, пшик на палочке! Героя войны никто не заставит отсиживаться в хате!

Мотя резко остановился.

– Слушай, ты уже целых двадцать минут за мной тащишься. Тебе чего, собственно, надо? – раздраженно прорычал кот идущему рядом спутнику и зло уставился ему в лицо.

На него смотрели большущие, нет, огромные синие глаза. Казалось, что вся синева ясного неба собралась в этих бездонных глазах.

– Так ты же сам меня позвал. Кто попросил о помощи лечить Потапыча? Вот я и спустился на помощь, – тихо ответил спутник и ласково заулыбался.

В его небесных глазах побежали лучи золотого солнца. Сам он был бледненький, на ногах только гольфы с бумбончиками, а за спиной торчали перья. Мотя расслабился и побежал дальше.

– Понятно. Помощник, значит. Тогда со мной пойдешь, – буркнул он, а про себя подумал: «Станный какой-то, в одних гольфах по улице разгуливает и в перьях! Хотя в наше время всякое можно увидеть, да и карантин к тому же».

– Куда бежим? – поинтересовался Помощник.

– К знахарке. У Привоза живет моя знакомая кошка-знахарка. Она шибко в травах разбирается, возьмем у нее грудной сбор. А то мой человек всю ночь пробухыкал, еле дышит. Спасать надо!

– Как скажешь, – ответил спутник.

Дальше бежали молча. Знахарка выслушала Мотин рассказ, отсыпала травяного сбора и еще валерианового корня дала, для самого Моти, чтобы не злился так на человека.

Вернулись домой, кот быстро воду вскипятил, траву заварил. Помощник пошел в спальню на Потапыча посмотреть. Тот спал на постели весь расхристанный, потный, горло шарфом обмотано, одеяло на пол сползло. Что-то тревожно бормотал и всхлипывал. Кот вошел с дымящейся кружкой.

– Футы-нуты, опять издергался! За ночь раз десять одеяло подбирал, все бежит куда-то.

И мрачно добавил:

– Отбегался уж.

Мотя поставил кружку на стол и аккуратненько взобрался на кровать.

– Кружку подай, лечить его буду.

Вместе посадили человека, и кот стал поить его отваром. Тот морщился, не открывая глаз, на горячее, но послушно пил. Затем снова вместе положили Потапыча на подушку и хорошо укрыли одеялом.

– Ну вот, справился. Может, поспит теперь спокойно. Пошли чай пить, у меня бублики есть и шоколадные конфеты «Ромашка», – выдохнул Мотя и впервые улыбнулся.

Чай был вкусный, с молоком. От конфет Помощник отказался, а вот бублики грыз с удовольствием.

– Слушай, а Потапыч действительно герой гражданской войны? Он вроде не такой уж и старый... – поинтересовался Помощник.

– Да нет, конечно! – хмыкнул кот. – Это я так, от злости и тревоги. Всю ночь над ним сидел, боялся, что задохнется. Карантин же объявили в городе, говорят, вирус китайский завезли! Как будто местных не хватает...

Мотя прихлебнул чай с блюдца.

– Ему всего шестьдесят лет-то. В Афганской участвовал, да. И медали имеются, весь пинджак в них! – с гордостью констатировал Мотя.

– Молодой еще мужик. Исполин. А поди ж ты, для вируса этого китайского старый!

Мотя так рьяно вгрызся в бублик, что зубы лязгнули, сомкнувшись, словно стальные.

– Благодарю за прекрасный чай, – сказал Помощник, вставая.

– Теперь я пойду лечить Потапыча.

– Стой, стой!

Кот загородил ему проход в дверном проеме.

– Ты-то что можешь, человек в перьях?

– Я не человек, я – Ангел. Ты же сам просил помощи, я спустился. Забыл?

Мотя аж на попу сел, услышав слова Помощника.

– Кто, кто? – еле слышно прошептал Мотя и громко сглотнул слюну.

– Ангел. Спустился к тебе на зов.

Мотя опрометью кинулся к кровати. Вскочил на нее, оцетинился и зашипел, как фурия.

– Не подходи, не отдам! Это мой человек! Я не дам ему умереть!

Ангел удивленно смотрел на кота. Такого поворота событий он никак не ожидал. Обычно все радовались его приходу.

– При чем тут смерть? Я для того и пришел, чтобы человек не умер. Я же Ангел-хранитель.

– Хранитель чего? – уже спокойнее спросил кот.

– Хранитель жизни и здоровья вашего. Охраняю вас, живых. А ты за кого меня принял?

В этот момент Потапыч так натужно закашлялся, казалось, что даже воздух сотрясается. Мотя присел, прижал уши к голове и спрыгнул с кровати. Ангел подошел к человеку, и вдруг перья зашевелились. Два белых крыла раскрылись на спине у Ангела, таких чисто-белых, что Мотя даже зажмурился от такой белизны.

Когда он осторожно приоткрыл глаза, увидел, что Ангел нагнулся над Потапычем и всего укрыл крыльями, как пуховым одеялом. Что-то шептал на непонятном языке, водил пальцем по лбу больного. Потапыч потихоньку затих и стал мерно посапывать, как в старые здоровые времена.

– Вот теперь все хорошо с ним будет. Еще лет двадцать пять точно проживет, – сказал Ангел, складывая крылья.

Они пошли на кухню.

– Так за кого ты меня принял?

– Та дед, когда на меня злится, все время повторяет: «Вот заберут меня ангелы, что тогда один делать будешь?». Я и подумал, что ты забирать его у меня пришел.

Кот аж покраснел от виноватости за свои глупые действия.

– Знаешь, а тебя тоже можно хранителем величать. Мотя-хранитель! Повезло человеку с таким другом, как ты, – торжественно сказал Ангел.

Потом Мотя с Ангелом снова пили вкусный чай с бубликами. Чая же много не бывает. Болтали о чем-то своем, перебивая друг друга, шутили, посмеивались тихонечко.

Мотя заглянул в спальню. Потапыч размеренно дышал, жар спал.

– Ну вот, все уже хорошо. А то: Ангелы заберут, Ангелы заберут... А он, наоборот, вернул тебя мне, – улыбался кот над своим человеком.

Берегите в себе человека

Серезка сидел в стенном шкафу за старым матрасом и прижимал к себе Сержа, своего кота. Мальчику уже двенадцать лет, а выглядит он лет на восемь – маленький, худенький и вечно простуженный. Кот, наоборот, огненно-рыжий здоровяк

с квадратной мордой, на острых ушах кисточки, и шерсть, словно персидский ковер. Сидя, они были почти одинаковыми, поэтому было неизвестно, кто за кого прячется, Сережа за кота, или Серж за мальчика. Сидели всегда тихо-тихо, почти не дышали, главное – чтобы отчим не догадался, где они, иначе получат увесистых пинков.

Отчим еще только во двор входил, Серж уже начинал волноваться, нервно бегал от окна к входной двери и обратно. Женщина тут же запиховала сына с котом в шкаф к задней стене и закрывала их всем, что в нем хранилось. Так они пережидали буйство пьяного отчима и выходили, когда мама укладывала его спать. Потом они все вместе сидели на кухне, пили чай и плакали, а кот слизывал слезы с их лиц.

Сереже было три года, когда мама вышла замуж за отчима. Это был высокий, спортивно сложенный мужчина, всегда элегантно одетый, и пахло от него терпкой свежестью. Правда, лысый, зато с модной трехдневной небритостью. Как говорится, с мужика воды не пить, лишь бы заботливый был. И он был очень заботливым. Маму одевал в красивые вещи, Сереже тоже ни в чем не отказывал. Когда заходили в детские магазины, он присаживался на корточки и шептал в ухо мальчику, чтобы тот выбирал все, что понравится. В путешествия возил по разным заморским странам – а там показывал такие диковинные места и штуки, что знакомые пацаны не верили Сережиным рассказам о них. Думали, Серега сочиняет.

Года через два Сережа стал называть отчима папой. Тот был так счастлив, что устроил им с мамой большой сюрприз, привез их в огромную сверкающую квартиру в Аркадии и объявил, что теперь они живут здесь. Мальчик вышел на балкон, а там было море: во весь взгляд – только синее море.

И кот этого рыжего подарил ему тоже отчим, на семь лет. В день рождения он поставил на праздничный стол круглую, как торт, коробку, завязанную пышным синим бантом. В ней что-то скреблось. Сережа аккуратно открыл коробку, а там – он, рыжий толстый пушистик с кисточками на острых ушках. Мечта всей его жизни. Он сразу окрестил его Сержем – больно на него похож, такой же рыжий и конопатый.

Пришел две тысячи восьмой год, бабахнул кризис. Отчим практически перестал бывать дома. Стал нервным, раздражительным, прикрикивал на маму и Сережу, а коту вообще опасно было показываться ему на глаза, тот просто пинал его. Мама пряталась от сына и тихонечко плакала от бессилия.

Через полгода они съехали из Аркадии сюда, на Нежинскую, в эту маленькую квартирку на первом этаже. Зато какой замечательный двор с большим деревом посередине! Сережа с Сержем забираются на него и читают книжки о далеких космических мирах и героях, покоряющих их.

Как-то вечером мальчик подслушал разговор родителей. Отчим утверждал, что всё: у них больше ничего нет, еле-еле с долгами рассчитался. Мама плакала, обнимала его и говорила, что все переживется. А он пил водку.

Маме удалось устроиться учительницей математики в школу на Пастера. Отчим не удерживался ни на какой работе дольше месяца. «За двести долларов я никому подчиняться не буду!» – кричал он жене в лицо, пил и матерился. Больше не было спортивного, элегантно одетого мужчины с брутальной небритостью – был обрюзгший небритый мужик с трясущимися руками, в помятой одежде, всегда воняющий перегаром.

А потом наступил вечер, когда отчим ударил Сережу за то, что тот пролил чай, пока нес ему. Ударил сильно, разбил губу и нос. Хотел было еще приложиться, но Серж оцетинился, зашипел и, как змея, впился ему прямо в живот всей своей мощью. Отчим только кулаком смог сбить его с себя, чуть не убил. С тех пор мама и прячет их в стенном шкафу.

Сегодня он пришел какой-то особенно злой. С порога заорал жене, мол, где ее ублюдок прячется, все кости переломает, когда найдет. Оказывается, кот ему в туфли написал, а тот не сразу заметил, только когда на работе переодевался вечером, понял, что так воняет. Мама пыталась его успокоить, уговаривала сесть ужинать. Вроде пошли на кухню – и вдруг там все зазвенело. Женский вскрик – и яростная брань отчима.

Сережка и Серж так сильно вжались в стену, что казалось, она под ними прогнется. Сколько так сидели, неизвестно, за ними так никто и не пришел.

Сереза медленно открыл дверь шкафа. Отчим оглушительно храпел на диване, на кухне тишина, а в ушах звенел страх.

Мама лежала на полу, запрокинув голову, в луже крови. Лицо белое, руки раскинуты, рот приоткрыт, как будто звала кого-то. Страх в ушах зазвенел еще громче, будто пытался вырваться наружу. Кот то шипел, то рычал, то выл. Сереза выскочил в подъезд и затарабанил в дверь к соседке.

Слава Богу, мама была жива, еле-еле, но жива. Врач сказал, что повезло, удар о стену головой прошел по касательной – видно, пыталась увернуться. Отчим сопротивлялся, когда его забирала полиция, орал на весь дом, что всем покажет такую-то мать, когда вернется.

Сереза с Сержем жили у маминой тети на Черемушках. Звон в ушах все не проходил, был то тише, то громче, но не проходил. И мамин вскрик преследовал его по ночам. Он никому не рассказывал, старался привыкнуть к этому. Серж не выносил громких звуков, сразу становился на дыбы и шипел.

Маму выписали из больницы через месяц. Они втроем вернулись в свою квартиру на Нежинской. Потихоньку все прибрали. Мама и сын вернулись в школу: она на работу, он учиться.

Прошла весна, пришло лето и каникулы. Рано утром они ходили на Ланжерон купаться, а Серж ждал их на подоконнике распахнутого окна. Вечером уже втроем ходили в сквер на Ольгиевской к бювету за водой. Потом пили чай с маминими пирожками, всегда шутили и смеялись. По-моему, Серж тоже смеялся.

Вот в один из таких летних вечеров Сереза вдруг заметил, что в ушах больше не звенит. Весь следующий день прислушивался: нет, больше не было звона, он растворился, страх отступил.

Три тысячи лет без любви

Кот жил уже три тысячи лет. Он родился вместе с великой Первой империей Египта. Рыжий-рыжий, как огонь, потому и назвали его Нуто. И характер такой же обжигающий, яркий, независимый. Он с удовольствием играл с маленьким сыном

хозяина дворца и даже горевал, когда он, все и всё исчезло из его жизни. От этой жизни у Нуто остался ошейник с золотым солнцем.

Потом он жил в красивом римском доме с большим бассейном, где всегда плавали желтые лилии. Кот очень любил играть с ними, они были такими же огненными, как и он. Хозяйка дома умилялась тому, что кот с таким удовольствием плещется в воде. Она звала его Игнис, огонь в ее доме. Ему тоже было приятно проводить с ней долгие вечера, качаться на качелях и играть с бумбончиками ее туники. Когда был пожар, Игнис пытался позвать на помощь, но Рим весь пылал, и никто не обращал на него внимания.

Кот переплыл море и ушел жить в горы, в великие Гималайские горы. Шерсть перестала быть гладкой и бархатистой, в глазах появился настоящий огонь, когти стали такими острыми, что он свободно карабкался по скалам. Кот старательно избегал встреч с людьми. Сам себя называл Мис, солнечный, как когда-то в детстве, совсем маленького, звала мама.

Так прошли столетия, большие одинокие столетия. Мис ни о чем не жалел, никого не вспоминал.

Его нашел тибетский монах, уже обессиленного от упорной борьбы с камнем, который, упав, защебил ему лапу. Через месяц, окрепнув, кот принял решение все же остаться с монахами и поселился в статуе. Стал отзываться на имя Маскулин, небесный огонь. Он снова пообмяк и даже чуточку разленился от постоянных подношений. Маскулин любил вечерами лежать на голове статуи и следить за уходящим солнцем, подмурлыкивая песенку, которую любил когда-то египетский мальчик. И все же кот не любил, да просто не хотел что-либо вспоминать.

Китайская революция разрушила это его многовековое спокойствие, выгнала с насиженного места, лишила уходящего солнца. И Маскулин ушел, снова стал Мисом.

На этот раз Мис не привыкал к одному месту, к каким-то людям. Бродил по разным странам, городам, что-то делал, кому-то помогал, о нем даже книги писали знаменитые писатели, рисовали известные художники. Его любили великие люди, кому-то он был признателен всей душой, как тогда тибетским монахам.

Сколько же войн и человеческих трагедий пережил кот! Но так и оставался одиноким, независимым, непричастным, да и имя больше не менял.

Кот жил уже три тысячи лет, три тысячи лет он никого и никогда не любил.

Мис шел по Нежинской ранним осенним утром, быстренько сделал кое-что по необходимости – и домой в теплую корзину, к миске с едой. Эту молоденькую беленькую кошку он видел уже не первый раз, видно, она где-то рядом жила. Даже не понял, как свернул за ней в чужой двор, затем в подвал. Кошка была не хозяйская, подвальная, звали ее Розой. У нее большие янтарные глаза и розовый нос, белая шерсть и рыжее пятно между ушей. На третий день Роза сказала, что кот может оставаться, но звать она его будет Рыжим, так ей удобнее. И потекли дни, месяцы, годы совместной жизни. Роза родила Рыжему много котят, а он по вечерам в их подвале рассказывал ей истории своей трехтысячелетней жизни, и они вместе мурчали, засыпая.

Так прошло одиннадцать лет – одиннадцать лет, когда кот наконец стал счастливым. Сегодняшним утром Рыжий сбежал по своим делам и нес кусок колбасы из местного супермаркета на завтрак. Роза еще не вставала. Она открыла глаза и тихо позвала его. Он нагнулся над ней, она слабо лизнула его нос. Кот заглянул в Розины глаза и провалился в черноту. Ушел янтарный блеск, да и рыжее пятно между ушей как-то потускнело. Рыжий облизывал кошкино лицо уже два часа, когда понял, что она умерла. Он подошел ко входу в подвал, оглянулся и ушел.

На Отраде забрался на верх камня и уснул. Вечером следил за уходящим солнцем и вспоминал, вспоминал каждую минуту, прожитую с Розой, ее тепло, заботу и янтарные глаза.

Кот прожил три тысячи лет и вот он влюбился, и вот остался один. Кот мог бы снова начать все заново – да только зачем без нее? Рыжий отвернулся от заката и первый раз в жизни заплакал, и вдруг почувствовал себя старым, уставшим.

Мысли и прожитые столетия как-то сразу навалились на него. Египетский мальчик пел его любимую песенку, рим-

ская женщина дарила ему желтые лилии, тибетские монахи угощали его вкуснейшими блюдами, а Роза, как обычно, лизнула его в нос. Кот улыбался и засыпал. Он навсегда засыпал счастливым.

